

Последнее интервью
Джона Леннона —
впервые полностью

Джонатан
Котт
Рядом
с Джоном и Йоко

СОРТИЖ

18+

Джонатан Котт Рядом с Джоном и Йоко

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696038
Рядом с Джоном и Йоко / Джонатан Котт: АСТ: CORPUS; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083433-4

Аннотация

Редактор и постоянный автор *Rolling Stone* Джонатан Котт – один из самых авторитетных в мире музыкальных журналистов. Его с удовольствием печатают *The New York Times* и *The New Yorker*, он является автором шестнадцати книг, в том числе о Бобе Дилане, Гленне Гულде, Карлхайнце Штокхаузене и так далее. В этой книге Котт рассказывает о своей многолетней дружбе с Джоном Ленноном и Йоко Оно, с которыми познакомился в 1968 году. Кроме того, только здесь можно впервые целиком прочитать последнее интервью, которое Джон Леннон дал за три дня до своей трагической гибели, – раньше были доступны лишь отрывки из этого многочасового и очень важного и откровенного разговора.

Содержание

Предисловие автора	5
Вступление	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джонатан Котт Рядом с Джоном и Йоко

This translation is published by arrangement with Doubleday, an imprint of The Knopf Doubleday Publishing Group, a division of Random House, Inc.

Cover photo by Iain Macmillan. Courtesy the Lenono Photo Archive, New York

© Jonathan Cott, 2012

© Е. Щербакова, перевод на русский язык, 2014

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Издательство CORPUS ®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

*Мы – чародей и ведьма в миг свободы.
Йоко Оно, You're the One*

Предисловие автора

В книгу «Рядом с Джоном и Йоко» я впервые включил авторские версии всех своих важных интервью и обычных разговоров с Джоном Ленноном и Йоко Оно; многие из них ранее не публиковались.

Впервые я встретился и поговорил с Джоном в Лондоне в сентябре 1968 года. Это было первое большое интервью, он дал его через четыре месяца после того, как они с Йоко стали любовниками и соавторами. Краткая версия той беседы была напечатана в первом юбилейном выпуске журнала *Rolling Stone* 23 ноября 1968 года.

Джон как-то сказал мне: «Йоко – самый знаменитый неизвестный художник. Все знают, как ее зовут, но никто не знает, чем она занимается». В 1970 году при его поддержке и участии я написал один из первых подробных материалов о Йоко. Сокращенная версия того текста вышла 18 марта 1971 года в *Rolling Stone*, а полная публикуется в этой книге впервые.

Когда в начале 1970-х Джон и Йоко переехали в Нью-Йорк, я сталкивался с ними в странных местах и в странное время, и мы втроем отправлялись ужинать. В эту книгу вошла одна из самых необычных и оживленных наших застольных бесед, состоявшаяся 17 марта 1971 года.

Я встречался с Джоном и разговаривал с ним 5 декабря 1980 года – за три дня до его гибели. Это было последнее его интервью, и большая часть нашей девятичасовой беседы впервые была опубликована в *Rolling Stone* 23 декабря 2010 года. Еще более расширенная и теперь уже полная версия вошла в эту книгу.

14 марта 2012 года, специально для «Рядом с Джоном и Йоко», я побеседовал с Йоко в Стокгольме, и здесь это интервью публикуется впервые.

Я включил в книгу несколько коротких отрывков из своего эссе «Джон Леннон: как он стал тем, кем стал», впервые опубликованного в 1982 году в антологии издательства *Doubleday* «Баллада о Джоне и Йоко»; я был одним из ее редакторов. Также сюда вошло мое эссе «Дети райка: назад к истокам», впервые опубликованное в десятом, юбилейном выпуске *Rolling Stone* в 1977 году.

Вступление

“Кто бы выслушал мой рассказ / О девчонке, что вошла в мою жизнь?”¹ – вопрошал Джон Леннон в песне *Girl* на *Rubber Soul* – битловском альбоме 1965 года. Тремя годами позже я звонил в дверь подвальчика в доме номер 34 по Монтегю-сквер в Лондоне. Через несколько секунд одетый в черный свитер, джинсы и белые теннисные туфли веселый 27-летний мужчина с темными волосами до плеч и в круглых “бабушкиных” очках открыл мне дверь. “Давай, входи!” – сказал он, и мы проследовали в гостиную, где он представил мне фантастическую девчонку, которая вошла в его жизнь, предложил сесть на диван и спросил, не хочу ли я выслушать его рассказ.

“Рядом с Джоном и Йоко” – моя личная история о том времени, что я провел с Джоном Ленноном и Йоко Оно. Она начинается холодным нью-йоркским декабрьским утром 1963 года. Шел мой первый семестр четвертого курса Колумбийского университета. Радиобудильник поднял меня в 7:30. Мне страшно хотелось поспать еще хотя бы несколько минут и было плевать на самую ужасную в мире лекцию по теории множеств, так что я решил выключить радио. Но стоило мне потянуться к кнопке, как я услышал мужской голос, выкрикивавший “Раз, два, три, ВПЕРЕД!”², а потом – “Ей было всего семнадцать, / Если вы понимаете, о чем я!”³ И ровно так же, как это случилось с исполнителем, мое сердце сделало БУМ, и я понял – начиная с этого момента песня *I Saw Her Standing There* станет будить меня по утрам всю оставшуюся жизнь.

“Я не могу тебя разбудить, – как-то сказал Джон Леннон. – Это можешь сделать только ты сам”. К счастью, *Beatles* продолжали напоминать мне об этом: “Проснулся, выскочил из постели, / Провел расческой по волосам”⁴. Иногда, правда, казалось, что и сами *Beatles* были сном, который ни за что не хотелось прерывать. И действительно, многие думали о битлах как о символических героях сновидений – как о четырех апостолах, четырех временах года, четырех фазах луны, четырех сторонах света, – и, если рассуждать примитивно, каждый из битлов в зависимости от того, как он выглядел, жестикулировал, вел себя, пел и писал песни, играл предназначенную ему роль: Пол – милый и чувствительный; Джон – беспокойный и мятежный; Джордж – загадочный и таинственный; Ринго – ребячливый, но не лишенный здравого смысла.

“Ни один из нас не сделал бы этого в одиночку, – говорил Джон, – потому что Полу не хватило бы сил, я не так чтобы сильно привлекал девчонок, Джордж был тихоней, а Ринго – барабанщиком. Но мы думали, что будем как минимум друг друга поддерживать, и так это все завертелось”. Для меня Джон Леннон всегда был Единственным. В моих глазах он мгновенно стал героем, когда я впервые услышал выступление *Beatles* в лондонском Театре принца Уэльского в 1963 году перед королевой-матерью и принцессой Маргарет. Представляя песню *Twist and Shout*, Джон шагнул к микрофону и объявил: “Для исполнения следующей песни мне понадобится ваша помощь. Те, кто сидит на дешевых местах, – хлопайте. Остальные могут просто позвякивать драгоценностями”.

За полтора века до того, в 1812 году, еще один мой герой, Людвиг ван Бетховен, прогуливался по улице баварского курортного городка в компании уважаемого немецкого писателя Иоганна Вольфганга фон Гете, когда они столкнулись с императрицей Марией-Людovicой и ее придворными. Гете отступил на шаг, снял шляпу и низко поклонился. Бетховен,

¹ *Is there anybody going to listen to my story / All about the girl who came to stay?* – Здесь и далее – прим. перев.

² *One-Two-Three-FAW!*

³ *She was just seventeen / If you know what I mean!*

⁴ *Woke up, fell out of bed / Dragged a comb across my head* из песни *A Day In the Life*.

который ни перед кем не падал ниц⁵, прошел прямо сквозь сиятельную толпу и пожурил подобострастного писателя, напомнив ему, что дворян пруд пруди, “а нас только двое”. *Beatles* продолжили в том же духе: “Ее величество – милашка, но вот сказать ей почти что нечего”⁶. (Как я выяснил позже, по иронии судьбы и сама Йоко Оно может претендовать на родство с японским императором XIX века, и в этой книге я как раз расскажу историю ее семьи – ту, с которой, по всей вероятности, большинство людей не знакомы.)

Все двенадцать лет, что я общался с Джоном, он неустанно рос и как художник, и как личность, последовательно раскрываясь передо мной и миллионами поклонников, и, например, приглашал нас составить ему компанию в путешествии к Земляничным полям, чтобы мы смогли увидеть всю безграничную глубину его души, погрузиться в нее и исследовать его разум – тоже своего рода Земляничное поле. Ссылаясь на известную картинку с жирафом, заглядывающим в окно, Джон говорил: “Люди всегда видят лишь кусочек, а я стараюсь увидеть целое... не только в своей жизни, но и во Вселенной, весь замысел целиком”. Он был сразу и Человеком-из-ниоткуда, и Эггманом⁷, сочетал в себе множество личностей и ткал из них песню о себе самом.

Это была монументальная песня, состоявшая из гимнов (*Give Peace a Chance*), обрывков снов (*Revolution 9*), медитаций (*Strawberry Fields Forever*) и призывов к действию (*Power to the People*), шаржей (*Polythene Pam*) и отчетов о космических путешествиях (*Across the Universe*). Это была песня, полная категорически не сочетающихся друг с другом чувств и эмоций: усталости (*I'm So Tired*) и бодрости (*Instant Karma!*), крика о помощи (*Help!*) и независимости (*Good Morning Good Morning*), подавленности (*You've Got to Hide Your Love Away*) и восторга (*Whatever Gets You Thru the Night*), удовольствия (*I Feel Fine*) и боли (*Yer Blues*).

Никогда не боявшийся находить и выставлять напоказ собственные слабости, Джон бесстрашно принимал свою неукротимую ревность и однажды сказал: “Я буду ревновать даже к зеркалу”. И он расправлялся с этим демоном в битловских песнях *No Reply*, *You Can't Do That* и *Run for Your Life*, позаимствовав строчку “Лучше увидеть тебя мертвой, крошка, чем с другим”⁸ из песни Элвиса Пресли *Baby, Let's Play House*. А в одной из самых выдающихся своих песен, *Jealous Guy*, Леннон отважно вступает в царство ревности, с поразительной точностью описывая способ, с которым она заявляет о себе: сердце колотится, дрожь пробирает, ты едва можешь сдержать свою боль. И, поступая так, Джон позволяет нам ощутить ревность как нечто очень сильное и необыкновенное.

Поразительно и совсем не похоже на всех известных мне рокеров Джон пел о своей матери. Он однажды заметил: “Никогда бы не подумал, что в свои тридцать буду петь *She Loves You* и уж тем более – что когда-нибудь спою о своей маме!” Но он сделал это в двух выдающихся песнях. В *Julia* он прощается с ней, изображая ее “утренней луной”, и рассказывает ей, что его приманило дитя океана с “глазами цвета морской волны” и “струящимися волосами”, поблескивающими на солнце. (Имя Йоко переводится с японского как “дитя океана”.) В песне *Mother*, написанной всего двумя годами позже, он вновь прощается с Джулией во второй и последний раз – крича и тем самым избавляясь от неутолимой боли, которую так долго таил в себе. Боли, вызванной тем, что, когда Джону было шесть, мать отказалась от него. Забавно, что первая строчка этой песни – “Мама, я был с тобой, / Но тебя со мной не

---

⁵ Отсылка к рок-н-рольному стандарту *Roll Over Beethoven*.

⁶ *Her Majesty's a pretty nice girl / But she doesn't have a lot to say* из песни *Her Majesty*.

⁷ Имеются в виду песни *Nowhere Man* и *I Am the Walrus*.

⁸ *I'd rather see you dead, little girl, / Than to be with another man*.

было⁹ – шутливо вторит самоуничижительному зачину *Norwegian Wood*: “Когда-то у меня была девушка, / Точнее, это я когда-то у нее был”¹⁰.

Жизнь и искусство многогранной личности обычно полны противоречий. Джон Леннон был рожден лидером. Это он привел Пола в *Quarrymen* (затем Пол привел Джорджа, а Джордж – Ринго), это у него еще в самом начале родилось чувство, будто он выходит за рамки обычного (“Продвинутым я был еще в детском саду... А в двенадцать уже думал, что я гений и что никто этого не замечает”). Но он был лидером, который щедро делился своим творчеством с Полом Маккартни и Йоко Оно.

Он был убежденным рок-н-рольщиком, чью жизнь навсегда изменил *Heartbreak Hotel*¹¹

(“Услышав эту песню, я бросил все”) и *Long Tall Sally*¹² (“Это было так здорово, что я онемел”). И однажды – еще до того, как в его жизнь вошла та самая девчонка, – он решил, что “авангард” – это французский эквивалент слова “фуфлю”. Тем не менее Джон всегда экспериментировал, прокручивая пленку задом наперед, используя лупы и некоторые приемы монтажа, и из *Revolution 9* сделал настоящий авангардный шедевр.

Порой он был не уверен в себе, а порой хвастлив (“Одна часть меня считает, что я неудачник, другая – что я Господь всемогущий”). Он доверял и верил, но часто – и, как оказалось, пророчески – говорил о своем недоверии и паранойе (“Паранойя, – заметил он как-то, – это обострившаяся бдительность”). В какой-то момент он казался упрямым и в то же время был поразительно гибок, что позволяло ему продвигаться вперед, рисковать как в личной, так и в творческой жизни и жить сегодняшним днем (“Одни люди будто бы вечно играют в пинг-понг, другие копаются в прошлом... Кто-то прикладывает все усилия, лишь бы не быть здесь и сейчас... Я же не верю во вчерашний день”¹³). И наконец, он был лидером, который отказался от короны и империи, чтобы остаться честным перед самим собой (“Трудно ощущать себя Цезарем, которому все вокруг говорят, какой он прекрасный, заваливают его подарками и приводят девочек, а он хочет просто вырваться из всего этого и сказать: “Я не хочу быть королем, я хочу быть настоящим”). И именно та самая девчонка, что вошла в его жизнь, стала его учителем и духовным наставником. Как в песне *One Day (at a Time)*, он был рыбой, а она – морем, он был яблоком, а она – деревом, он был дверью, а она – ключом. Проще говоря, Йоко позволила Джону стать тем, кем он был на самом деле.

“Два разума, одна судьба” – так Джон описывал их с Йоко взаимоотношения. Вместе они пытались воссоздать рай на земле – “Просто мальчик и девочка, старающиеся изменить целый мир”¹⁴, пел Джон об их с Йоко отношениях в песне *Isolation*, – и приглашали всех и каждого в совместное путешествие. Многие – ворчливые циники и обиженные фанаты *Beatles*, мечтавшие лишь о собственном Джоне, – глумились и отказывались от приглашения.

Но попытки изменить мир, избавляясь от одежды, встречаясь с журналистами не вылезая из кровати и посылая сильным мира сего желуди по почте (в сопроводительном письме была просьба посадить их в саду и “вырастить два дуба ради мира”), не очень-то убеждали мир в важности идей двух великих романтиков. Едва ли можно представить себе подвыпившего Тристана распеваящим своей возлюбленной: “О Изольда!”, но Джон написал песню *Oh Yoko*, в которой, как в бреду, выкрикивал ее имя “в облаках”, “в ванне”, “во время бритья”.

⁹ *Mother, you had me / but I never had you.*

¹⁰ *I once had a girl, / or should I say, she once had me.*

¹¹ Песня, написанная Томасом Дерденом и Мэй Борен Экстон и принесшая всемирную славу Элвису Пресли.

¹² Песня Литтл Ричарда.

¹³ *Some people like Ping-Pong, other people like digging over graves... Some people will do anything rather than be here now... I don't believe in yesterday.*

¹⁴ *Just a boy and a little girl, / Trying to change the whole wide world.*

Это был тот самый подкупающе наивный и забавный способ Джона и Йоко жить, сделавший их подлинными романтическими влюбленными, – только два дурака могут так любить!

Они с радостью примерили роли юродивых – как сказано в Библии, “Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых”¹⁵ – и жили по собственным несерьезным правилам, разыгрывая в повседневной жизни архетипические драмы воображения. Я неизменно вспоминал об этом, каждый раз читая душещипательные письма Абеяра и Элоизы – несчастливых влюбленных, живших в XII веке во Франции. Он был знаменитым харизматичным философом, богословом, поэтом и музыкантом, она – его ученицей, любовницей, женой, а затем, после неизбежного расставания, – настоятельницей монастыря. Она писала Абеяру:

А кроме научных способностей обладаешь ты еще двумя дарами, которые способны покорить любое сердце. Я говорю о твоём умении слагать стихи и песни, что редко встречается среди философов... Музыка твоих песен понятна даже неграмотным, и благодаря им многие женщины вздыхали от любви к тебе. А поскольку большинство песен повествуют о нашей с тобой любви, то они прославили на весь мир и меня, и теперь многие женщины сгорают от зависти ко мне. Из тех же, кто раньше враждовал против меня, скажи, кто сейчас не сострадает моему несчастью? Если сердце мое не с тобой, то где оно? И если нет тебя, то как я могу существовать?”¹⁶

Такое письмо Йоко могла бы написать после смерти Джона.

У нее и сейчас хватает скептически настроенных хамов-недоброжелателей, но поклонники, следившие за ее более чем пятидесятилетней карьерой, знают, что ей не только сочувствуют как скорбящей вдове, ее признают еще и за выдающиеся заслуги художника, скульптора, фотографа, режиссера, поэта, видеохудожника, композитора, певицы и автора песен, первопроходца в концептуальном искусстве и перформансе и активиста в борьбе за мир. Про нее единственную можно сказать, что она поработала с такими разными музыкантами, как Джон Кейдж, Орнетт Колман и Леди Гага, получила десять первых строчек хит-парада *Billboard Dance / Club Play Chart*, прочитала оду миру на церемонии открытия Олимпийских игр 2006 года в Турине и, как шах Джахан, построивший Тадж-Махал в память о своей третьей жене, увековечила память о своем покойном муже, выстроив в Исландии на острове Видей башню Мира *Imagine*, лучи света от которой в ясную погоду расходятся на четыре километра. На пьедестале из белого стекла на двадцати четырех языках высечены слова “Представьте себе мир”. Йоко собрала свыше полутора миллионов пожеланий мира от людей со всех концов света, и эти пожелания когда-нибудь будут высечены на башне. Словно хранитель огня, Йоко уже более тридцати лет, прошедших с момента смерти Джона, преданно и неустанно поддерживает его бесстрашный и сильный дух живым.

8 декабря 1980 года я лег спать где-то в половине одиннадцатого вечера. Сразу после полуночи меня разбудил телефонный звонок. Я встал с кровати и поднял трубку. Было слышно, как на другом конце провода плачет моя подруга. “Боже мой, что случилось?” – спросил я. “Ты слышал новости?” – в ответ спросила она. “Какие новости? Я спал”. И тогда она рассказала, что умер Джон Леннон.

Журнал *Rolling Stone* готовил обложку с Джоном и Йоко для своего первого в 1981 году номера, отмечая таким образом выход альбома *Double Fantasy*. Интервью, которое я взял у Джона 5 декабря, также должно было выйти в том номере – значит, оно будет посвящено его памяти. Соучредитель, редактор и издатель *Rolling Stone* (и мой давний друг) Ян

---

¹⁵ Первое послание к коринфянам.

¹⁶ Пер. В. Заславского.

Винер, который в 1967 году сделал меня первым европейским редактором журнала, спросил, не могу ли я написать о том, как прошло оказавшееся последним интервью с Джоном. Оглушенный горем, я спешно прослушивал записи, извлекая лучшее – то, что казалось мне наиболее примечательным в нашей беседе, – чтобы написать своего рода некролог на пять тысяч слов.

Йоко Оно попросила, чтобы в воскресенье, 14 декабря, в 14:00 по восточному времени люди всего мира – те, кто хотел бы почтить память о Джоне, – провели десять минут в молчании. В США порядка восьми тысяч радиостанций на десять минут прервали вещание. В Ливерпуле тридцать тысяч человек в едином порыве вышли на улицы. Я вместе с несколькими друзьями присоединился к 250 тысячам человек в Центральном парке, чтобы помянуть Джона. Ровно в два часа можно было услышать лишь шум вертолетов над нами; они напомнили мне монотонное гудение индийской танпуры¹⁷, на которой Джордж Харрисон играл во время записи ленноновской *Tomorrow Never Knows* (“Освободи разум, расслабься и плыви по течению. / Это не смерть, это не смерть”¹⁸). Джон говорил битловскому продюсеру Джорджу Мартину, что хотел, чтобы эта песня походила на “клич далай-ламы, разносящийся с вершины горы на многие мили вокруг”.

Тогда я так и не расшифровал до конца свое последнее интервью с Джоном. Я написал некролог и понял, что мне будет слишком тяжело, если я вновь услышу на пленках голос Джона, так что я спрятал кассеты в самый дальний угол шкафа. Но в начале 2010-го меня осенило, что 9 октября Джону стукнуло бы семьдесят и, более того, 8 декабря исполнится тридцать лет с момента его гибели. Вообще-то о тех пленках я не вспоминал с 1980 года, но теперь решил, что после стольких лет должен попытаться найти их. Давно заброшенные, они, возможно, были повреждены временем. Но я все равно начал перерывать свой захламленный шкаф и через полчаса нашел кассеты, перевязанные двумя резинками. Неделий позже я надел наушники и приступил к кропотливому процессу расшифровки записей от начала до конца – потребовалось три стандартного размера блокнота. С волшебных магнитных лент до меня снова доносились радостные, яркие, провокационные, едкие, бесстрашные, возмутительные, смешные, сердечные слова человека, чьи губы, несомненно, целовали Камень красноречия¹⁹.

За расшифровкой я провел десять упоительных, но изнуряющих дней. Как-то, когда работа была уже закончена, я уснул и увидел сон, который никогда не забуду, но о котором до сих пор не рассказывал, поскольку кто-то мог бы решить, будто я умышленно создаю позерскую легенду о себе самом. Но мой сон был очень реалистичным. В нем мы с Джоном сидим в его квартире на полу, застеленном ковром, точно так же, как это было во время нашего первого интервью на Монтегю-сквер в 1968 году, – лицом друг к другу, подобно двум шаманам. Мы пьем мятный чай. Я включаю магнитофон, чтобы начать запись, и вдруг с подступающей тошнотой понимаю, что Джон не знает, что умер. Во сне мне нужно быть предельно осторожным и любой ценой не дать Джону этого понять и не спросить ненароком об их с Йоко планах. Джон начинает беседу с тех же слов, с каких начал наше последнее интервью в “Дакоте”²⁰: “Не беспокойся о времени – у нас его целая куча в запасе”. И в этот момент, во сне, я вспоминаю первые две строчки ленноновской песни *Working Class Hero*, которые всегда считал одними из самых проникновенных и пронзительных у Джона: “ Ты

---

¹⁷ Струнный щипковый инструмент, который используется для создания фонового аккомпанемента.

¹⁸ *Turn off your mind, relax and float downstream / It is not dying, it is not dying.*

¹⁹ Камень, вмонтированный в стену ирландского замка Бларни. По легенде, каждый, кто поцеловал его, обретал дар красноречия.

²⁰ Здание на Манхэттене, где Джон Леннон и Йоко Оно жили с 1973 по 1980 год. 8 октября 1980 года Леннон был застрелен Марком Чэпменом рядом с этим домом.

не успеешь родиться, как они заставят тебя чувствовать себя ничтожеством, / Совсем не дав тебе времени”²¹.

Так или иначе, во сне мне удалось ни разу не проколоться – почти до самого конца, когда Джон сказал: “Какую песню спеть тебе прямо сейчас? Что первым делом приходит тебе на ум?” И тогда я сказал: “Думаю, неплохо было бы послушать *Instant Karma!*” – и он начал петь. Но, дойдя до слов “Зачем мы все пришли в этот мир? Точно не ради жизни в боли и страхе”²², он пристально посмотрел на меня, чтобы убедиться, что я слушаю внимательно. И в этот момент я проснулся – удивленный, грустный, счастливый, расстроенный, но благодарный, будто бы на самом деле побывал на той встрече. И я подумал: “Ну надо же! Этой ночью я видел Джона Леннона, и он был таким же живым, как и все мы!”

---

²¹ *As soon as you're born they make you feel small / By giving you no time instead of it all.*

²² *Why in the world are we here? / Surely not to live in pain and fear.*

* * *

“Добро пожаловать в святая святых!” – с веселой, насмешливой церемонностью произнес Джон Леннон, стоя на пороге кабинета Йоко Оно в их квартире в цокольном этаже “Дакоты” – квазиготического, с фронтонами, горгульями и коваными воротами, похожего на замок здания в нью-йоркском Верхнем Вест-Сайде. Я разулся и прошел в устланную белым ковром комнату с высоким потолком; Йоко, здороваясь, встала из-за большого, инкрустированного золотом письменного стола.

Это было 5 декабря 1980 года. *Rolling Stone* готовил статью про Джона и Йоко для своего первого в 1981 году номера, и я должен был взять у Джона интервью по случаю выхода их совместного с Йоко альбома *Double Fantasy*. Прошло немало времени с того момента, когда они в последний раз общались с журналистами. С тех пор как в 1975 году родился их сын Шон, они занимались так называемым весенним проветриванием мозгов, перестав подпитывать то, что Джони Митчелл однажды окрестила “звздоделательной машинкой”. В течение пяти лет они не выпускали пластинок, не писали новой музыки или картин и не появлялись на публике. И пока Йоко присматривала за семейным бизнесом, Джон стал самопровозглашенным домохозяином, проводя время в домашних делах и заботах о сыне. Вспоминается греческий историк Геродот, описывавший один из самых замечательных обычаев, который в V веке до н. э. бытовал среди египтян: “Женщины ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут”²³. Семейство ЛенОно – так могла бы называться звукозаписывающая компания Джона и Йоко, – казалось, придерживалось древнеегипетских традиций ведения домашнего хозяйства. Или же вывернутой наизнанку воспитательной системы, при которой, как Джон пел в песне *Double Fantasy*, “королева в офисе подсчитывает денежки”, а король на кухне “печет медовый хлеб”.

В интервью журналисту Чету Филиппо медиаконсультант Эллиот Минц, сдружившийся с Джоном и Йоко в 1971 году, рассказывал, что как-то вечером Джон позвонил ему в Лос-Анджелес. “Было уже очень поздно, – вспоминал Минц, – и Джон сказал: “Со мной сегодня произошла удивительная вещь, Эллиот”. Он произнес это с таким благоговением, что я решил, будто он пережил страшно важный для него духовный опыт. Так что я приготовился слушать. “Я впервые в жизни испек буханку хлеба, и ты не поверишь, каким замечательным он получился. Я сфотографировал его на полароид и думаю, не послать ли тебе снимок с курьером прямо сейчас”, – произнес Джон”. Минц пояснил, что Джон и Йоко пользовались курьерской службой вместо обычной почты, поскольку их письма и посылки разворовывались на сувениры, стоило кому-то увидеть звездные имена на конвертах. “В общем, кто-то должен был взять письмо, – рассказывал Минц, – сесть в самолет и лететь с ним туда, куда его отправили, а затем из рук в руки передать тому, кому оно предназначалось”. Минц получил полароидный снимок. А неделю или две спустя он прилетел в Нью-Йорк и остановился в “Дакоте”. “Как-то вечером мы сидели на кухне, – продолжал он, – и Джон принес нечто, завернутое в фольгу. Это был кусочек хлеба от той самой первой буханки, Джон приберег его специально для меня. И мы преломили хлеб вместе”.

* * *

Джон ненадолго вышел из кабинета, и я присел рядом с Йоко на огромный, жемчужно-белый бархатный диван. В этой мягко освещенной безупречной комнате я увидел

---

²³ Пер. Г. Стратановского.